

Игры теней в европейской международной политике в 1930-е гг.

С. В. Морозов*

История — это наука, которая делает из человека гражданина...
В. М. Фалин

«**МЫ** выбираем, нас выбирают, как это часто не совпадает, я за тобою следуя тенью, я привыкаю к несовпадению», — пела удивительным голосом с волшебной интонацией одна из героинь чудесного фильма советских времен «Большая перемена». Эти строки в поэтической форме отражают игру чувств — часть спектра человеческой жизни, которым посвящали строки, среди прочих, Данте Алигьери, Уильям Шекспир и Александр Сергеевич Пушкин. Игры, в которые играют политики, в том числе на международной сцене, нечасто воспевают поэты, разве что бессмертный Гомер создал величественное полотно в «Илиаде», а поскольку мастеров слова столь значительного масштаба и дарования в нынешние времена днем с огнем не сыскать, то этим приходится заниматься историкам. Причем, если этому благоприятствует стечение удачных обстоятельств, например, приближающаяся годовщина какого-либо события, происшествия, инициативы и одновременно публикация новых источников — мемуаров, документов и т. д. В совокупности сочетаний этих двух факторов полузабытые тени исторических фигур и персонажей могут совсем по-другому выглядеть в их свете.

Сегодня историки многих стран вспоминали и заново осмысливали обнародование в марте 1933 г. политического проекта, возникшего во влиятельных западноевропейских аристократических и дипломатических кругах — так называемого «пакта четырех», в который должны были войти Великобритания, Франция, Италия и Германия. Сия задумка была тесно увязана с перспективой ревизии границ, о чем публично 23 марта заявил в Лондоне один из её соавторов премьер Д. Макдональд¹. Она была важным шагом на пути воплощения в жизнь возможностей, заложенных в итоговых документах Парижской мирной конференции 1919–1920 гг., и правового механизма, созданного решениями Локкарнской конференции октября 1925 г. В совокупности эти инструменты позволяли, среди прочего, регулировать и подталкивать внешнюю активность Германии в восточном направлении. Встретив на своем пути серьезное сопротивление со стороны Советского Союза, т. н. «малых стран», значительной части миролюбивых сил во всем мире, а также испытав влияние различных факторов, в том числе, со стороны двух ее последних участников, эта инициатива видоизменившись, и приобретя несколько иную форму сотрудничества, менее ярко выраженную с внешней стороны, тем не менее, сыграла основную и решающую роль в подготовке и развязывании Второй мировой войны.

* **Станислав Вацлавович Морозов** — Д. и. н., профессор кафедры Всеобщей истории, философии и политологии, Исторический факультет, Кузбасская государственная педагогическая академия, г. Новокузнецк.

Многие аспекты проблемы «пакта четырех» неоднократно и с различных сторон подвергались рассмотрению целым рядом авторов, как зарубежных, так и отечественных. Например, многих интересовало его происхождение, откуда, так сказать подул ветер. Одни, склонны были связывать его исключительно с именем Муссолини². Другие с уверенностью приписывали авторство Макдональду³. Третьи, делали предположение, что происхождение этого пакта следовало искать в международном положении и расстановке сил в Европе, сложившихся после конференций в Женеве и Лозанне⁴.

Все это верно, все правильно, но ведь это только одна из сторон проблемы. Существует целый ряд вопросов, как подобного уровня, так и посложнее, ответить на которые, среди прочего, позволили источники, исследования, а также критическая литература, появившиеся в последние годы. Представляется возможным, на сегодняшний день, обозначить более четкие контуры в ответах на следующие вопросы: происхождение «пакта четырех», с какими кругами он был связан и кого можно рассматривать в качестве его *криптопроводников*; какова была реакция на эту инициативу и политика руководства некоторых из «малых стран»; какие видоизмененные организационные формы эта инициатива приобрела и имела вплоть до своего логического завершения на мюнхенской конференции в сентябре 1938 г.

Ответ на эти, а возможно и другие вопросы, представляет не только академический, но и политический интерес, поскольку в современном *однополярном* мире, важнейшие решения в международных отношениях пытается принимать, как и в 1930-е гг. межвоенного периода, некий *арбитр*. По мнению бывшего директора Института стратегических исследований при Гарвардском университете С. Хантингтона, «вопросы политической безопасности всемирного масштаба эффективно решаются геополитическими директоратом в составе США, Великобритании и Франции»⁵. Но если апофеозом деятельности тогдашнего арбитра был печально известный Мюнхен, то в корзинке у нынешнего его визави «мюнхенов» скопилось не менее трех — Ирак, Египет, Ливия, Украина.

Принципиальная разница заключается лишь в том, что фюрера тогда заботливо двигали в нужном восточном направлении, а в нынешние благословенные дни для этого самого восточного направления

необходимо нефтяными скважинами впрок запасть, а там глядишь и фюреришко какой-нибудь захудаленький заведется.

А теперь позвольте начать движение поступательно, может быть даже ступенчато в нужном направлении. Как известно, 19 статья Устава Лиги наций допускала возможность изменения государственных границ мирным путем. Малоприметные, но весьма мудрые и дальновидные персоны в самом начале 1920-х гг. сформулировали её следующим образом: «Собрание может от времени до времени приглашать членов Лиги приступить к рассмотрению договоров, сделавшихся неприменительными, а также международных положений, сохранение которых могло бы подвергнуть опасности всеобщий мир»⁶. В октябре 1925 г. локарнские документы юридически закрепив неприкосновенность и неизменность французских пределов, восточные границы Веймарской республики (т. е. с Чехословакией и Польшей) позволяли подвергнуть *регуливанию* арбитражными соглашениями, т. е. посредством некоего *арбитра*.

Одновременно сам факт вовлечения Германии в договорные отношения со странами-победительницами означал, с одной стороны, её выход из международной изоляции, а с другой, некое приобщение к клубу великих держав. Плавный подъем по ступеням в иерархии международных отношений непременно мог повлечь за собой и постановку на повестку дня вопроса о приведении в соответствие с новым статусом территориального пространства страны — более престижного, т. е. расширения. Именно в качестве *арбитра*, вернее, теневого вершителя судеб в европейских и мировых международных отношениях и надлежало выступить «пакту четырех».

В исторических исследованиях тему, связанную с этой инициативой, принято было освещать примерно так. «Утром 18 марта 1933 г. итальянское правительство вручило послам Англии, Франции и Германии проект „пакта согласия и сотрудничества между четырьмя западными державами“, который состоял из шести статей. Он предполагал тесное сотрудничество четырех держав „во всех политических и неполитических, европейских и внеевропейских вопросах, а также в колониальной сфере“ (ст. IV). В предлагаемом договоре четырьмя державами подтверждался „принцип ревизии мирных договоров согласно ст. 19 Устава Лиги наций“ (ст. II). В случае провала конференции по разоружению, за Германией призна-

валось право на равенство в вооружениях, которое она могла реализовать „постепенно“. Такие же права получали Австрия, Венгрия и Болгария (ст. III). Было заявлено, что договаривающиеся стороны берут на себя обязательство осуществлять в отношениях друг с другом политику эффективного сотрудничества с целью поддержания мира (ст. I). Длительность действия договора предполагалось установить сроком на 10 лет (ст. V); он должен был быть зарегистрирован в секретариате Лиги наций (ст. VI)»⁷.

Все это верно, но ведь это только одна сторона проблемы, а есть ведь еще и другая. Новые источники, в частности мемуары Эрнста Ганфштенгля, выходца из немецкой аристократической семьи, одного из ранних, неидейных, можно сказать случайных соратников Гитлера, сначала покровительствовавшего ему, затем служившего у него в качестве пресс-атташе, которому во второй половине 1930-х гг. удалось улизнуть от своего одиозного и зловеще-взматеревшего шефа, позволяют пролить свет на некую часть тщательно скрываемой предыстории «пакта четырех». Ганфштенгль, или как за его двухметровый рост ласково окрестило окружение фюрера «путци» (малыш), проживший немало лет в США и хорошо владевший английским, среди прочего, в ходе предвыборных поездок своего начальника в марте 1932 г. «довольно много времени провел в обществе» Рендольфа Черчилля, сына сэра Уинстона. «Я даже организовал для него полеты на самолете вместе с нами один или два раза», свидетельствует «путци», участвовавший в предвыборной кампании фюрера. В апреле, в ходе президентских выборов, после прилета, в аэропорту Мюнхена его ждало сообщение, переданное по телефону, что семья Черчиллей остановилась в отеле «Континенталь», приглашает его на ужин и надеется на прибытие Гитлера для «встречи с отцом Рендольфа»⁸.

Сэр Уинстон в своих мемуарах действительно упоминает о поездке в Голландию и Германию летом (!) 1932 г. в связи с работой над книгой «Жизнь Мальборо» и о знакомстве, не лишенном приятности общении, ужине в мюнхенской гостинице «Регина» (!) с *засланным казачком* (термин (*mille pardon!*) и курсив наши. — С. М.) фюрера — Ганфштенглем. Согласно его утверждению лазутчик «чрезвычайно интересно рассказывал о деятельности Гитлера и о его взглядах. Чувствовалось, что он совсем им очарован. По всей вероятности, ему было поручено войти в контакт со мной, и он явно старался произвести приятное

впечатление». Из слов Черчилля следует, что хитрый господин Адольф через посредника пытался подблизиться к нему поближе и напроситься в знакомые. Мемуарист продолжает: «После обеда он сел за рояль и так хорошо исполнил множество пьес и песен, что мы получили огромное удовольствие. Он, казалось, знал все мои любимые английские песни. Он прекрасно умел развлечь общество. Как оказалось, в то время он был любимцем фюрера. Он сказал, что мне следовало бы встретиться с Гитлером и что устроить это нет ничего легче. Гитлер ежедневно приходит в этот отель около 5 часов дня и будет очень рад увидиться со мной». Несмотря на хитроумные подходы и коленца гитлеровского пластуна сэр Уинстон был начеку и весьма строго спросил: «Почему ваш вождь так жестоко ненавидит евреев? Я могу понять ожесточение против евреев, которые в чем-нибудь провинились или выступают против своей страны, мне понятно также, когда противодействуют их попыткам захватить господствующее положение в какой бы то ни было области. Но как можно быть против человека только потому, что он от рождения принадлежит к той или другой нации? Разве человек властен над своим рождением»? Неудивительно, что на следующий день неудачливый шпион заявил, что встреча не состоится, а маститый британский политик заключает: «Так Гитлер упустил единственный представлявшийся ему случай встретиться со мной»⁹.

Данная версия существовала длительное время, т. к. была по существу, единственным свидетельством сего эпизода и ее не было принято связывать с процессом подготовки почвы для «пакта четырех». Но после опубликования мемуаров бывшего гитлеровского пресс-атташе и перевода их на русский язык появилась и версия другой, немецкой стороны. В них несостоявшаяся встреча двух исторических персонажей описывается совсем иначе, настолько иначе, что у историков появились основания рассматривать поездку сэра Уинстона по местам боевой славы своего славного предка в качестве одного из шагов, предварявших и подготавливавших влиятельными британскими кругами политическую почву для инициативы, связанной с «пактом четырех». Для того, чтобы в надлежащей мере оценить насколько откровенны и достоверны, а значит ценны и приемлемы для данной научной гипотезы показания «путци» будет целесообразно привести их с наименьшими купюрами.

Ганфштенгль свидетельствует: «Я отыскал Гитлера в Коричневом доме и внезапно появился в его кабинете, который был, надо сказать, похож на какой-то холл в отеле в стиле раннего Адлона или позднего северогерманского Ллойда, но таков уж был его вкус. Гитлер хотел заняться делами и был в самом самом неприступном состоянии. „Господин Гитлер, — обратился я. — Мистер Черчилль — в Мюнхене и хочет встретиться с вами. Это великолепная возможность. Меня просили приехать с вами на ужин сегодня вечером в отель *Континенталь*“⁴. Я почти увидел, как опустился непроницаемый занавес. „Ради бога, Ганфштенгль, неужели вы не видите, как я занят? Какого дьявола и о чем мне с ним разговаривать?“ — „Но, господин Гитлер, — возразил я, — это самый простой в общении человек на земле — об искусстве, о политике, архитектуре, обо всем, что вам заблагорассудится. Это один из влиятельнейших людей в Англии; вы должны с ним встретиться“⁵. Как и можно было предположить версия о *засланном казачке* фюрера, созданная литературно-политическим талантом важного британского мемуариста, начала давать первые трещины. Но может быть «путци» удалось обработать своего патрона и настоять на их встрече, что же было далее?

«Я упал духом. Гитлер выдвинул тысячи оправданий, как это всегда делал, когда боялся встречи с кем-то. При мысли о личности, которую он считал себе равной в политических способностях, вновь возник неуверенный буржуа, человек, который не ходит на уроки танца из опасения стать посмешищем, человек, который обретает уверенность лишь в манипуляции ревущей аудиторией. Я попробовал сделать последний гамбитный ход: „Господин Гитлер, я поеду на ужин, а вы приедете позже, как будто за мной, и останетесь на кофе“⁶. Нет, нет, нам надо завтра рано вставать — что я впервые услышал от него, потому что думал, что у нас впереди два-три дня отдыха: „В любом случае говорят, что ваш господин Черчилль — ярый франкофил“⁷. Я позвонил Рендольфу и попытался скрыть свое разочарование, отметил, что он встретил нас в наихудший момент, но предположил, несмотря на то что хорошо знал обратное, что Гитлер может присоединиться к нам на кофе»¹⁰.

Весьма тонкое наблюдение автора мемуаров касательно индивидуально-личностных фобий фюрера, связанных с особенностями его социального окружения в годы юности, невысоким образовательным уровнем, ксенофобией в сочетании с заискиванием и преклонением в отношении представителей аристократических фамилий не могут не встретить позитивной оценки со стороны как незаинтересованного читателя, так и исследователя. С формальной точки зрения можно возразить, что Гитлер не раз использовал Ганфштенгля для проникновения в различные аристократические круги Баварии и никого там особо не боялся. Наоборот, производил неизменно-позитивное впечатление на пожилых дам, которые, как правило, к нему начинали относиться по-матерински. Но одно дело немецкие знатные женщины, с которыми «путци» наверняка делился информацией о нелегкой судьбинushке Адольфа Алоизиевича, у которого незадолго до этого ни кола, ни двора, ни прописки (пардон германского паспорта с гражданством) не имелось в наличии*⁸. А другое дело британский аристократ, состоявшийся семьянин, политик, хотя и без важного поста в исполнительной власти, но с влиянием. Птицы такого высокого полета, как правило, прилетают с определенной миссией и на пустую риторикку, сочувствие, поток сознания и пр. инструментальный набор их не купишь. Фюрер, обладавший недюжинной интуицией, по-видимому, сразу же почувствовал, что ему предуготовано на этой встрече выступить в роли некоего экспоната, который сначала оценят, а затем используют по тамошней, веками наработанной у людей этого круга рецептуре. Другими словами, Гитлер на подсознательном уровне ощутил, исход встречи немецкого недавнего бомжа с английским аристократом заранее предрешен и, отказавшись от нее, ну никак не проиграл этот раунд.

А как же протекала сама встреча с сэром Уинстоном, в окружении его близких, сопровождавших лиц, проходившая по утверждению немецкого автора в отеле «Континенталь», а не «Регина-палас»? Вот что пишет герр Эрнст. «Сам я прибыл в назначенное время. Там были госпожа Черчилль — невозмутимая, интеллигентная и прелестная женщина, лорд Кемроз, профессор Линдеман, одна из дочерей Черчилля

* Фюрер после отсидки за путч намеренно не получал австрийского паспорта из опасения быть объявленным в качестве нежелательного иностранца и выдворенным из милого его сердцу Дойтчланда, жил по нансенскому паспорту. В феврале 1932 г. он получил в земле Брауншвейг должность главного правительственного советника, автоматически дающую гражданство.

и пара молодых людей, имена которых я забыл. Примерно в десять часов мы сели ужинать, причем господа Черчилль сидела по правую руку от меня, а мой хозяин — по другую сторону. Мы толковали о том о сем, а потом Черчилль стал упрекать меня за антисемитские взгляды Гитлера. Я попытался, насколько можно, смягчить тон беседы по этому вопросу, сказав, что настоящая проблема — в притоке восточноевропейских евреев и избыточном представительстве их соратников по вере в ряде сфер деятельности. Черчилль выслушал очень внимательно, заметив: „Передайте вашему боссу от меня, что антисемитизм может быть хорошей начальной закуской, но это плохая реклама“. Мне пришлось выслушать объяснение этой части сленга, что вызвало смех у остальной части присутствовавших»¹¹. Следует отдать должное памяти сэра Уинстона, эпизод беседы, связанный с антисемитизмом фюрера, находит подтверждение и с немецкой стороны. Но, если у Черчилля данный компонент выступает в роли узлового момента, определенного ключевого поворота темы, после которого наступило угасание взаимного интереса, то у Ганфштенгля он знаменует некую вводную часть, после которой последовала основная.

«Я заметил, что лорд Кемроуз по ту сторону стола очень внимательно прислушивался ко всему, что говорил Черчилль, но после кофе, бренди и сигар мы с хозяином отодвинули стулья от стола, и тон его речи стал более доверительным. Я до сего дня помню эту сцену. Лево́й рукой, что была ближе ко мне, он держал рюмку бренди, почти касаясь губ, так что слова его только-только долетали до моих ушей, а другой рукой держал толстую сигару. „Скажите, — спросил он меня, — что ваш шеф думает об альянсе между вашей страной, Францией и Англией?“ Я застыл на месте. Мне казалось, пальцы ног вросли через туфли прямо в ковер. Проклятый Гитлер, подумал я, вот тот случай, который поднял бы его престиж и в то же время держал бы его в рамках, а у него нет даже внутренней потребности, что надо быть здесь и говорить о таких вещах. „А что вы думаете об Италии?“ — спросил я в попытке оценить весь диапазон идей Черчилля. „Нет, нет, — возразил он, — давайте не будем их трогать на данный момент. Нельзя же принимать в клуб всех сразу“. Мне удалось при всем моем отчаянии про-

изнести, что Гитлеру будет интересно обсудить эту тему, и я стал возбужденно разглагольствовать о своих собственных представлениях по этому поводу»¹².

Похоже, что версия сэра Уинстона о *засланном казачке* окончательно распалась на мелкие осколки, которые вряд ли удастся хоть каким-либо образом заново скрепить. Выходит он выдвинул её, чтобы прикрыть истинную цель своего неофициального визита встретиться с господином А. Гитлером, подававшим тогда очень большие надежды в качестве грядущего национального лидера. Пытаться уличить будущего британского премьера в перемонтаже эпизодов того вечера вряд ли имеет смысл поскольку эта задача неблагоприятная, ибо он настолько виртуозно действовал, что даже приставленный к нему чьей-то заботливой рукой лорд Кемроуз вряд ли что-либо расслышал.

Рассуждения о том, могла ли иметь место подобная тема в тот далекий вечер вряд ли будут уместны, т. к. персона для выполнения миссии подготовки почвы для будущего антисоветского альянса была угадана мастерски — русофобия и антисоветизм Черчилля были общеизвестны с довоенных времен. К этому можно было бы приплюсовать его высказывания и причастность к английской интервенции во время гражданской войны в России. При желании, конечно, можно обвинить «путци» в наговоре на англичан и желании с ними поквитаться задним числом, ведь те обошлись с ним весьма неласково во время Второй мировой, отправив его в места не столь отдаленные, а попросту говоря в концлагерь*. Однако, он настолько искренен в своем возмущении касательно дремучей неотесанности «проклятушего» фюрера, что его вряд ли можно заподозрить в излишней фантазийности. Забавно, что его возмущение переросло в шок, когда спустившись в вестибюль позвонить и поднимаясь по лестнице, он нос к носу столкнулся ни с кем иным как со своим сероглазым красавчиком-шефом, ну да, который с чубчиком и подбритыми усиками а-ля Чаплин.

«Я был вне себя. „Господин Гитлер, что вы здесь делаете? Неужели вы не понимаете, что Черчилли сидят в ресторане? Они вполне могли видеть, как вы приходили и уходили? Они наверняка узнают от прислуги отеля о том, что вы были здесь. Они ждут вас на кофе и подумают, что это сознательное

* Данные о том, что премьер У. Черчилль лично распорядился отправить Ганфштенгля в Канаду за колючую проволоку во время войны, на данный момент отсутствуют.

оскорбление». Однако фюрер, пятившийся задом во время этой тирады, сославшись на небритость и необходимость рано вставать на следующее утро, удрал от Ганфштенгля. Тому пришлось, «состроив самую приятную мину на лице», ублажать всю честную кампанию игрой на рояле футбольных маршей, в ожидании, что его капризный начальник все-таки надумает явиться. Однако «Гитлер так и не появился. Он просто струсил». «Я думаю, Черчилли оставались в Мюнхене еще два или три дня, но Гитлер прятался до тех пор, пока они не уехали»¹³.

Данное свидетельство, несомненно, сложно недооценить, ведь из него следует нечто трудно-вообразимое — одна из надеж и опор грядущей антигитлеровской коалиции искала встречи и свидетельствовала через посредника о готовности к отношениям антисоветского характера с будущим палачом многих европейских народов. Конечно же все затем случилось так, как должно было случиться, и он же впоследствии рука об руку с Франклином Делано Рузвельтом и Иосифом Виссарионовичем Сталиным, по мере сил всячески противодействуя последнему, «душил» Адольфа Алоизиевича для спасения мировой цивилизации от коричневой чумы. В каком причудливом ракурсе может предстать тень фигуры известного политического деятеля в освещении нового источника, не правда ли, господа?

Однако как говорится «чему быть того не миновать» — канул в Лету всего лишь какой-нибудь год, наступила весна 1933 г. и пробил час для обнародования инициативы создания того самого «антивосточного» альянса, с каковой выступил не кто иной, как представитель отвергнутой сэром Уинстоном в беседе с «путци» Италии. Видать проблема прикрытия — дело «архиважное», неспроста впоследствии многие историки головушки свои ломали, пытаясь угадать откуда же это таким дивным ветром повеяло. Какова же была реакция со стороны Москвы и т. н. «малых стран»? Официальная советская позиция была исключительно негативной. В частности глава НКВД М. М. Литвинов в телеграмме от 11 апреля предписывал полпреду во Франции В. С. Довгалевскому сообщить бывшему премьеру Э. Эррио об отрицательном отношении к «пакту четырех» ввиду неограниченности его компетенции

и возможности вовлечения вопросов, задевающих советские интересы, «не говоря уже о слухах о специально антисоветском острие пакта». Нарком прямо указывал: «Скажите, что у нас рассуждают обыкновенно по формуле „без нас — следовательно, против нас“»¹⁴. Теперь пришла пора сказать несколько слов и о том какова была реакция на эту инициативу и некоторых аспектах политики, проводимой кое-кем из руководства «малых стран».

Вообще-то эта проблема уже довольно таки подробно и последовательно освещена в монографии С. В. Морозова, во всяком случае, относительно действий, предпринятых руководством Чехословакии и Польши¹⁵. Однако в рецензии сотрудника Института национальной памяти Петра Гонтарчика, вышедшей в Польше в 2007 г., это исследование названо «типичным для России Владимира Путина возвращением к скомпрометировавшим себя пропагандистским тезисам советских времен»¹⁶. Автора в совокупности со всей советской историографией, среди всего прочего, обвинили в том, что он интерпретирует т. н. Вторую Польшу как «авантюристическое и агрессивное государствечко»¹⁷. Вызвала также почему-то у него сомнения и источниковая база исследования в том числе и материалы II отдела Главного штаба Войска Польского, хранящиеся в настоящее время в Российском государственном военном архиве (РГВА)*, которые Гонтарчик считает «присвоенными Советами», хотя попали они к нам из Берлина в виде трофея. Не пришлось по вкусу Гонтарчику и мемуары прогрессивной французской журналистки Женеьевы Табуи, представляющие, по его мнению, «сплетническо-журналистскую версию политических событий»¹⁸. А вот один из источников, среди прочих, он почему-то не посмел охаивать — Архив внешней политики Российской Федерации. Слава Богу, т. к. это есть очень хорошо, ибо именно с его помощью имеется возможность еще раз обратить внимание как специалистов, так и миролюбивой общественности на одну из граней польской внешней политики, проводившейся, среди прочего, в ответ на проект «пакта четырех» весной–летом 1933 года. Речь идет о процессе польско-германского сближения, которое завершилось подписанием 26 января 1934 г. Декларации о мирном разрешении споров

* Кстати, лет 5 тому назад в архиве ходили слухи о том, что эти уникальные материалы готовят для передачи польской стороне. Во всяком случае в к. 2012 — н. 2013 гг. польские коллеги эту проблему поднимали во время встречи с руководством РГВА.

и неприменении силы между Польшей и Германией или т. н. «декларации Липский — Нейрат».

В подавляющем большинстве исторических исследований, как отечественных, так и зарубежных, особенно польских, подписание вышеупомянутой декларации преподносится как коварный капкан, подготовленный фюрером для доверчивых, романтично настроенных поляков, дабы усыпить их бдительность, который он с дьявольским оскалом защелкнул на их горле в сентябре 1939 года. А так ли это было на самом деле? Что на этот счет свидетельствуют факты и источники, в том числе архивные документы?

Одним из важнейших фактов, которые следует в первую очередь учитывать при оценке польской внешнеполитической линии в отношении Берлина в течение 1933 года, было соотношение военных сил Польши и Германии. По условиям Версальского договора военные силы Веймарской республики были ограничены цифрой 100 тысяч, а в рядах Войска Польского их насчитывалось более 300 тысяч¹⁹. Сами по себе эти цифры ни о чем не говорят, ну и что? А может быть после Компьенского позора воинственным тевтонцам было вовсе не до воссозданной, молодой и независимой Польши? Факты свидетельствуют об обратном. Германские военные до такой степени серьезно относились к возможности возникновения конфликта именно на данном направлении, что даже разработали на случай развертывания военных действий с Польшей мобилизационный план, который был единственно существовавшим в тот период²⁰. Соображений на этот счет можно выдвинуть немало, но следует вернуться к событиям в международных отношениях, и в частности к предыстории проекта «пакта четырех».

Одним из неких незримых предзнаменований его приближения можно назвать присоединение Франции к «Декларации пяти держав» от 11 декабря 1932 г. о предоставлении Германии и другим странам, которых касались версальские постановления о разоружении, «равноправия в вооружениях в рамках системы безопасности, одинаковой для всех». Когда же французский парламент 13 декабря проголосовал за то, чтобы не возвращать военные долги США, то Ю. Пилсудский, прозорливо растолковавший этот

шаг как следствие стовора влиятельных финансовых воротил с французами*, на следующий день провел в Варшаве совещание Совета министров и высших армейских офицеров, где было принято решение об изменении польской внешней политики в сторону сближения с Германией²¹.

Хотя данное свидетельство содержится в мемуарах презираемой Гонтарчиком Ж. Табуи, но данные о первых признаках изменения ранее неизменно профранцузской позиции официальной Варшавы проявились уже в начале февраля 1933 г. на сессии конференции по разоружению в Женеве. В телеграмме от 6 февраля нарком М. Литвинов сообщал о недовольстве французской делегации выступлением польского делегата Рачинского на 31 заседании Генеральной комиссии в дискуссии по плану Эррио²².

Однако позвольте переместиться во времени на вторую декаду января того же года не без помощи все той же французской мемуаристки, которая сообщает о прибытии в Париж личного посланца диктатора Юзефа Пилсудского. Для спокойствия пана Гонтарчика сверимся с прессой — парижская «Тан» поместила 11 января лаконичную заметку о брифинге для журналистов, устроенном премьер-министром Ж. Поль-Бонкурром по случаю встречи с сенатором Е. Потоцким²³. Пан, Гонтарчик, выходит никакая Табуи не врушка, ежели столь уважаемая газета подтверждает ее показания. Однако, если Вам этого не достаточно, можно заглянуть в публикацию официальных французских дипломатических документов. Ба! Да ведь сам Потоцкий после возвращения в Варшаву поделился с послом Ж. Ларошем впечатлениями и деталями об этой поездке, о чем тот доложил 15 января²⁴.

Возникает естественный вопрос, если Пилсудский и еже с ним решили сближаться с Германией, то зачем понадобилось ехать в Париж? Прозорливая парижанка сообщает, что доверенное лицо маршала привезло с собой личное послание с настойчивой просьбой сообщить мнение Франции относительно своевременности превентивной войны против Германии. «Пилсудский писал о 5 польских армейских корпусах, которые в случае необходимости могли бы вступить в Восточную Пруссию и остановиться на Одере, в то время как Франция должна была бы

* Любопытно, но прямое свидетельство о существовании некоей комбинации подобного рода в французских верхах содержится в телеграмме М. Литвинова в НКВД из Женевы от 11 декабря 1932 г. Ссылаясь на германского министра К. фон Нейрата он сообщил, что «Эррио, вероятно, даст себя свалить завтра по вопросу об уже решенном учинении платежа Америке с тем чтобы после 15-го сего месяца вновь попасть в какую-нибудь министерскую комбинацию».

оккупировать часть Рура, а Англия — лишь ожидать второго этапа операции». По мнению Табуи письмо было составлено таким образом, чтобы вызвать отказ Франции, который можно было бы использовать для политического сближения Польши с Германией²⁵.

Ничего не скажешь хитро задумано, однако предвидя возражения со стороны скрывающего свое разочарование под миной недовольства пана Гонтарчика, «заглянем на огонек» к какому-нибудь маститому и увенчанному лаврами на дипломатической ниве автору, например к Чрезвычайному и полномочному Послу, академику В. П. Потемкину. «В марте 1933 г. польский маршал Пилсудский информировал французское правительство о том, что Германия в нарушение Версальского договора усиленно вооружается; немцы мечтают о реванше. Маршал предлагал принять меры против этой опасности, — одни лишь дипломатические представления Берлину не могут достигнуть цели. Пилсудский заявлял, что польские войска готовы в любой момент выступить против немцев, если Франция поддержит Польшу в случае польско-германского военного столкновения. Французская дипломатия дала Пилсудскому отрицательный ответ»²⁶.

Следует отдать должное тогдашнему польскому руководству, которое решило наряду с французской прощупать, конечно же неофициально, и итальянскую позицию. В. П. Потемкин сообщает, что в начале 1933 г. в Рим прибыл бывший польский премьер И. Падеревский, которого принял тамошний вожь Бенито Муссолини. «В беседе со своим гостем глава фашистской Италии заговорил об опасности, которая угрожает Польше со стороны Германии». Обладавший тонкими и ранимыми чувствами, безусловно веривший в силу прекрасного, т. к. был пианистом с мировой славой, Падеревский, скорее всего, подумал в тот миг, что мир не без добрых людей и в окрестностях Колизея он встретил понимание. Однако дуче оказался еще тем фруктом, т. к. после этого «дружески посоветовал полякам во избежание вооружённого столкновения с немцами вернуть им Польский коридор»*.

Ну что ж, своя рубашка, как говорится ближе к телу. Получается, что ни французское, ни итальянское

руководство в новой политической европейской обстановке, возникшей в связи с инициативой «пакта четырех», с польскими коллегами дела иметь не желали. И в этом нет ничего удивительного, т. к. *проявление политической инициативы с предложением совместных действий в международных отношениях* — это прерогатива стран, имеющих статус великих держав. Судите сами, захотелось англичанам, а партию первой скрипки несомненно играли они, пригласить в свой клуб немцев и в купе с ними итальянцев, взяли и пригласили. И дело совсем не в том, что во время первой мировой Пилсудский со своими легионами воевал на стороне противников Антанты австрийцев. Согласно корпоративной этике великих держав, «малой стране» в их клубе делать было нечего по определению.

Однако у маршала был свой план, от выполнения которого он отказываться не собирался. Он всегда был непреклонен на пути к достижению своих политических целей, да и некоей мессианской идеи он не был чужд²⁷. Вот он и стал продолжать свой курс. «В апреле 1933 г. польский посол в Париже передал французскому правительству новый меморандум о вооружениях Германии, прямо предлагая обсудить вопрос о превентивной войне, чтобы воспрепятствовать вооружению Германии и силой оружия укрепить пошатнувшуюся версальскую систему». Однако, новый премьер Даладьё отклонял все эти предложения²⁸.

Выходит, что у маршала Пилсудского были основания не доверять французскому руководству, не желавшему принимать предложение, причем с явным провокационным душком, от представителя «малой страны». Ну, а к примеру западное общественное мнение, какую позицию занимало оно относительно дальнейшей возможной судьбины своих младших партнеров в случае реализации проекта? Ж. Табуи утверждает, что эта инициатива широко обсуждалась буквально везде: «Мнение об актуальности осуществления ревизии границ за счет территории малых стран находило сторонников не только в пределах „туманного Альбиона“, но и на берегах Сены. Почти повсюду — в палате депутатов, в сенате, в банковских кругах — весьма отчетливо обрисовывается опре-

* Возвратившись от Муссолини в польское посольство, Падеревский обрушился на посла графа С. Пшездецкого, которого в гневе упрекал в том, что тот своевременно не информировал центр о позиции Италии в отношении Германии. Взволнованный посол полетел в Варшаву, откуда несколько дней спустя в Риме было получено известие о его скоростной смерти от сердечного приступа.

деленное течение в пользу политики соглашения с двумя диктаторами любой ценой, лишь бы избежать войны! А малые страны... тем хуже для них, даже если они и являются нашими союзниками!»²⁹.

Не согласитесь ли, пан Гонтарчик, что данное свидетельство, имеющее непосредственное отношение и к Вашей многоуважаемой Родине, является весьма ценным, а главное объективным! Эта удивительная женщина во всеуслышание свидетельствует, что широкой западной общественности было глупо наплевать на судьбу малых славянских стран, в том числе и Польши! Другими словами, в данной конкретной ситуации она позиционировала себя в качестве защитницы Вашей Отчизны. Как у Вас только язык повернулся употребить в отношении неё прилагательное «сплетнический», ведь её даже на родине частенько называли не иначе как «вещей Кассандрой». Однако, как известно, сердцу не прикажешь, тем более, что сам пан Гонтарчик, по-видимому, о книге этой только слышал, а в руках вряд ли держал, в самом деле, ну откуда для её прочтения отыщется время у историка, увлеченного разоблачениями бывшего политического руководства своей страны*?

А теперь вернемся к весне 1933 г. и попытаемся ответить еще на один любопытный вопрос, а может быть «маршалеком» зря затеял всю эту прогерманскую катавасию с обходным маневром через Париж, может быть тогдашняя польская дипломатия вовсе и не желала своей причастности к вышеупомянутой и рассматриваемой нами западной инициативе? Дабы не раздражать пана Гонтарчика, вновь обратимся к авторитету академика В. П. Потемкина, тем паче, что в те самые разлюбленные нашему сердцу 1930-е гг. он был советским полпредом не где-нибудь, а в Риме и Париже. Стало быть, имевшим опыт личного общения, в том числе с польскими послами С. Пшездецким, А. Высоцким, Ю. Лукасевичем и многими другими польскими дипломатическими работниками не столь высокого ранга.

«Польская дипломатия всегда отличалась великодержавными претензиями. Понятно, она не могла помириться с тем, что инициаторы пакта четырех не сочли нужным привлечь Польшу к участию в этом международном соглашении. Волновала Польшу и допускаемая пактом ревизия мирных договоров.

Беспокойство поляков усугублялось тем, что, по сообщениям из Рима, в правящих итальянских кругах не прекращались разговоры о необходимости исправить восточные границы Германии, вернув ей Польский коридор. На эту тему достаточно развязно разглагольствовал среди дипломатов начальник кабинета Муссолини небезызвестный барон Алоизи. Польский посол в Риме... слал в Варшаву тревожные донесения. Но покровительница Польши — Франция бездействовала. Мало того, она сама, без Польши, включалась в пакт четырех держав, который должен был узаконить и пересмотр мирных договоров и перевооружение Германии. Поляки были возмущены. Наиболее запальчивые из них уже готовы были браться оружием. Несмотря на то, что польская дипломатия вела с Германией неофициальные переговоры, официальная „Газета Польска“ заявляла, что по вопросу о Поморье Польша может разговаривать только пушками. „Для нас этот вопрос не существует, не существовал и не будет существовать“, — писала газета 15 апреля 1933 г. Другие польские газеты подхватили этот тезис; они заявляли, что „никогда, никакое правительство, никаких разговоров, ни в какой форме, ни о какой из польских границ и ни с кем вести не будет“³⁰.

Отсюда следует, уважаемый пан Гонтарчик, что по вопросу об отрицательном отношении к проекту «пакта четырех» в лице тогдашней польской дипломатии маршал Пилсудский имел, да простит меня значительная часть последней, прочный тыл. Если Вам, опять же недостаточно авторитета академика Потемкина, можно заглянуть в официальную публикацию документов. Например, нарком М. М. Литвинов сообщает о визите к нему 23 марта польского посла Ю. Лукасевича: «Мы поговорили о проектах Макдональда о разоружении и Муссолини о концерте четырех держав. Отметим общее отрицательное отношение к последнему»³¹. Из данного свидетельства, кстати, следует, что британские правящие круги весьма грамотно использовали итальянское прикрытие, т. к. для современников, даже столь информированных как дипломатическое начальство, это был «проект Муссолини о концерте четырех держав». Далее, 27 марта советский полпред В. А. Антонов-Овсеенко предпринял визит к главе польского МИД Ю. Беку:

* Две, из вышедших за последние годы, книг пана Гонтарчика, одна в соавторстве, содержат утверждения о сотрудничестве Леха Валенсы и Александра Квасневского с польскими спецслужбами в к. 1970-х — н. 1980-х гг.

«На мой вопрос о новых моментах международной политики Бек говорит прежде всего о плане „европейской директории“, который резко отвергается Польшей и Малой Антантой»³².

Наверняка не на шутку осерчавшему пану Гонтарчику не по нраву обращение к отечественным источникам, изданным в советский период, ничего не попишешь, Варшава уж лет двадцать как предпочитает ловить парусами западные ветра. Источниковая избушка, обратиться к нам своим советским лицом, а к пану Гонтарчику западным задом. Посол Ларош в апреле сообщал, что в Варшаве болезненно реагировали на любые намеки на возможность изменения польских границ и готовы были решительно противодействовать этому³³. Известный журналист Пертинакс в связи с этим вполне справедливо замечал, что «поляки скорее решатся воевать, чем отдадут на произвол Германии миллион своих соотечественников, живущих в Данцигском коридоре»³⁴. В итоге Ларош цитировал польского министра Бека: «В случае с „пактом четырех“ это вопрос принципа. ... Польша не допустит иностранного вмешательства в решение вопросов, касающихся интересов Польши»³⁵.

Но, это как говорится, все слова, эмоции, а может быть Вежбовая* ничего и не предпринимала? Как же не предпринимала, если предпринимала, и об этом свидетельствует Архив внешней политики РФ. «28 марта Бек передает английскому послу заявление о том, что лишённая возможности судить точно о проекте данного „пакта“, т. к. текст ей не сообщен, Польша „считает этот проект противоречащим духу и букве пакта Лиги Наций“ и оставляет за собой *свободу действий*» (курсив наш. — С. М.)³⁶.

Что же из всего этого следует, достопочтенный пан Гонтарчик? Из этого следует, что маршал Пилсудский имел весьма мощную поддержку, касательно солидарности с дипломатическими кругами, которые молчаливо и верно поддерживали его исключительно-монопольное право на проведение внешнеполитической линии Польши. Ну скажем, а насколько он мог далеко зайти в реализации великодержавных претензий своих ясновельможных собратьев. Для того, чтобы попытаться ответить на этот вопрос, следует обратиться к первоисточнику или же к уважаемому автору, историку с безупречной репутацией, корректно цитирующему таковой. В интервью, данном 23 мая

1926 г. французской газете «Матэн», польский вождь без околичностей заявил, что ради блага Польши готов на любые действия: «Если и могут быть какие-то колебания в выборе средств, когда хочется остаться в рамках легальности, то их нет там, где цель — спасение Польши»³⁷. Хотя данная фраза и относилась к внутривнутриполитической ситуации в стране после учиненного им же военного переворота, однако реакция польской верхушки и дипломатии на инициативу «пакта четырех» продемонстрировала, что резко приобрела актуальность проблема спасения Отчизны, естественно в их узкоклассовой, традиционно-военственной, т. е. захватнической шляхетской интерпретации. Для пушшего успокоения ранимого менталитета нашего польского коллеги, который невзначай бросится сверять цитируемый текст с газетой, мало ли россиянин что-либо напутал или не приведи Господь, переврал, следует добавить, что газету цитирует автор, получивший крест «Офицерской чести» от польского жонда, пардон, тамошнего правительства.

И какие же непосредственные шаги посчитал необходимым принять для спасения Отчизны «дедушка», как ласково называли своего вождя соотечественники? «Имеются сведения, что, сделав в Париже своё воинственное предложение, Пилсудский вступил в секретные переговоры с германским военным атташе в Варшаве генералом Шиндлером. Предложение превентивной войны против Германии было провокацией со стороны Пилсудского в отношении поляков — сторонников союза с Францией: готовя переход к союзу с Германией, Пилсудский доказывал противникам этого союза, что на Францию надеяться нельзя»³⁸. Увы и ах, господа новомодные польские историки, ваш ныне всемерно поднимаемый на щит вождь, удостоверившись, что в клуб директории с парадного хода его не впустят, решил проникнуть туда нет, не с черного хода, а как же, может быть через канализационный люк?

А вот теперь настал тот самый момент и нам продемонстрировать при помощи каких средств и каким путем Юзеф Юзефович проводил курс на политическое сближение с еще не национал-социалистическим режимом Адольфа Алоизиевича, предполагавшее скрытую дальнейшую цель — нет-нет, конечно же, не захват советской территории, например, Украины с ее углем, зерном, металлом, а единственно, чтобы

* Улица в Варшаве, где в те годы в особняке Брюля размещался МИД.

цветочки там понюхать. Сразу же следует отметить, что, данный курс реализовывался среди прочего, минимум по двум линиям — военной и дипломатической. Если припомнить, что Зюк* в свое время проделал своеобразную эволюцию из революционеров в военные и в течение последних 25 лет своей жизни из всех нарядов отдавал предпочтение офицерскому кителю, то, конечно же, первая из двух была явно ближе его душе.

Поскольку на тот момент численность польских вооруженных сил в три раза превышала соответствующий показатель германских, то у маршала имелась реальная возможность если и не намылить немцам шею мочалкой «превентивной войны», от коей благоразумно воздержались галантерейные французы заранее чуя подвох, то прибегнуть к *ультра-жесткому** шантажу*, демонстрируя готовность развязать таковую. Для того, чтобы к подобным демонстрациям относились должным образом, конечно же было бы неплохо провести соответствующую подготовительную работу. Однако оную и проводить не требовалось, т. к. еще за год до этого Зюк умудрился хитро показать буржуям-европейцам польский кулак, добившись реального результата.

Речь идет об инциденте с польским эсминцем, имевшем место в данцигском или (что значительно милее сердцу пана Гонтарчика) гданьском порту. 15 июня 1932 г., воспользовавшись благоприятным моментом в связи с визитом английской эскадры, в порт вольного города Гданьска прошмыгнул эсми́нец «Вихрь». В соответствии с решением, которое гданьские власти получили в декабре 1930 г. в международном гаагском суде, польским кораблям было запрещено использовать этот порт, в связи с чем капитан «Вихря» имел приказ открывать огонь в случае любых враждебных действий со стороны немецких властей Гданьска³⁹.

Хитрый Зюк рассчитал все верно и наглость не просто сошла с рук, но и принесла реальный результат. Учитывая предстоящий визит в гданьский порт

германской эскадры и стремясь предотвратить возможный польско-германский конфликт, Генеральный секретарь Лиги наций Э. Друммонд и глава Форин-офиса Д. Саймон, добились от городских властей подписания 13 августа 1932 г. соответствующего соглашения, предусматривавшего разрешение польским военным кораблям пользование портом⁴⁰. Кто-то, вероятно, припомнив террористическое прошлое Зюка*** скажет, но ведь это афера чистейшей воды, и, скорее всего, будет находиться где-то рядом с истинной, но так или иначе этот приемчик, на наш взгляд, следует рассматривать в качестве своеобразной *визитной карточки* польской внешней политики времен режима «санации».

Когда же с декабря 1932 г. «дедушка» принял решение о переориентации польской внешней политики с Парижа на Берлин, если верить Табуи, а мы ей безусловно в этом вопросе склонны доверять, то начал действовать с присущей ему решительностью. Так вышло, что местом для новой авантюры вновь был выбран Гданьск. 16 февраля 1933 г. гданьский сенат без согласия портового совета, в котором были и представители Польши, принял решение о роспуске портовой полиции, заменив ее городской⁴¹. Осерчавший Зюк решил принять адекватные меры и 5 марта, когда выборы в германский рейхстаг принесли победу нацистам, в ту же ночь на полуострове Вестерплатте**** высадил польский военный отряд*****. Польский исследователь Марьян Войчеховский назвал это действие «аферой на Вестерплатте», необходимой для того, чтобы «предостеречь и оказать давление на Гитлера и одновременно дать ответ западным державам, питавшим благосклонность к германским реваншистским требованиям»⁴².

Эти два контр-данса «дедушки», на наш взгляд, следует рассматривать как преддверие очередной аферы, на этот раз с планами «превентивной войны». В своё время рассмотрению этой проблемы польская историография посвятила немало исследований, в которых основным лейт-мотивом звучала

* Так к Пилсудскому могли обращаться только самые близкие и самые старые соратники.

** Согласно терминологии Алекса Деларжа из незабвенного кубриковского «Заводного апельсина».

*** Боевики Пилсудского начали нападать на финансовые учреждения и почтовые вагоны в Царстве Польском с августа 1905 г., а 22 сентября 1908 г. он для поддержания своего авторитета сам возглавил и провел экспроприацию почтового вагона курьерского поезда на станции Безданы.

**** Часть гданьской бухты.

***** Это подразделение было предназначено для усиления военного гарнизона, охранявшего польские склады с воинским снаряжением. Возникшая конфликтная ситуация завершилась компромиссом — польский отряд должен был покинуть Вестерплатте взамен на обещание восстановить деятельность портовой полиции.

идея о том, что планы т. н. «превентивной войны» с Германией предназначались для решения не силовых, а политических целей⁴³. С этим безусловно следует согласиться, однако почему-то мало кому из уважаемых авторов удалось поглубже вникнуть в эту проблему и усмотреть за ней стремление польского диктатора заставить германского канцлера пойти на тайные переговоры с последующей целью заключения секретного политического договора о военном сотрудничестве⁴⁴. И в этом польских коллег, даже времен Народной Польши, не следует винить по той простой причине, что это чисто источниковая проблема — документы, свидетельствующие, среди прочего, о том, при посредстве каких приемчиков «маршалек» *вынудил* фюрера пойти с ним на переговоры, находятся в АВП РФ, который сам Гонтарчик не посмел охаивать. Но давайте не будем забегать вперед, т. к. это уже будет вторая — дипломатическая линия «дедушки», нам же предстоит сказать несколько слов о первой, т. е. военной.

Чехословацкий посланник Вацлав Гирса в донесении от 10 мая 1933 г. сообщал, что план проведения превентивной войны рассматривался в польском Главном штабе, который и произвел соответствующие подготовительные мероприятия. В начале апреля 1933 г. были сконцентрированы войска на польско-германской границе в Сувалках и в «коридоре», куда были передислоцированы с советско-польской границы части Корпуса охраны границы. Военные действия планировалось начать вскоре после апрельских выборов в Гданьске, на которых, по предположению военных, должны были победить нацисты. Это привело бы к внутренним беспорядкам и тогда «было бы трудно выяснить, кто является зачинщиком, а кто нет»⁴⁵.

Пан Гонтарчик, согласитесь, блестящая, фундаментальная подготовительная работа «дедушки», да ведь это просто какой-то польский Бисмарк, хотя да простят меня польские и иные коллеги, лично на мой вкус Зюк несомненно выглядит более обаятельным*, даже несмотря на всю его ненависть к России. Пусть попытался бы кто-нибудь усомниться в серьезности намерений польского руководства, если т. н. превен-

тивная война была разработана Главным штабом Войска Польского, ведь ход предполагаемых военных действий польской стороны настолько детально продуман, что в нем учтены, какие пункты следует занять на германской территории. Другими словами, это план реальной войны, государственный документ, регламентирующий действия польских войск на *вражеской* территории, который может быть задействован в любой момент согласно политической воле польского руководства, читай со специфическими чертами проявления характера «дедушки». Стоит вспомнить и прошнырнувший в данцигский порт «Вихрь» с приказом открывать огонь в случае враждебных (*sic!*) действий и десант на Вестерплатте.

Для фюрера, вот уже год почивавшего на лаврах приобретенного германского гражданства, добрым «дедушкой» была заготовлена знатная милитаристская пилюля, что-то наподобие слабительного, а если вспомнить одного из киногероев Василия Макаровича Шукшина — «краковяк вприсядку». Бывший художник Адольф Алоизиевич не был «холодным философом», он наверняка был близок к истерике. Через вице-канцлера Ф. фон Папена было публично заявлено об агрессивных замыслах Польши, а Зюк в ответ через «Газету Польску» публично опроверг подобные намерения, напомнив при этом о предложенном Польшей пакте о ненападении⁴⁶. Он действовал весьма продуманно и осмотрительно, т. к. была проведена не всеобщая, а лишь т. н. «пробная», то бишь учебная мобилизация**, но она была проведена!!! А вот теперь настал черед поведать и о дипломатической линии, т. к. военная служила лишь её преддверием.

Следует сразу же отметить, что она находила свою реализацию с применением военной хитрости — отвлекающего маневра, который призван был одновременно произвести на вышеупомянутого новоиспеченного германского гражданина устрашающее воздействие: в зарубежной и значительной части польской прессы, дипломатических кругах была создана атмосфера наличия существования (виртуального. — С. М.) секретного польско-советского антигитлеровского пакта. К началу апреля этот

* Прежде всего потому, что в глубине своей души он до конца жизни оставался романтиком — согласно последней воле, его сердце было доставлено в Вильно и с останками его матери помещено в склеп, вход в который закрывала черная плита с одной из двух надписей: «Мать и сердце сына».

** По просьбе наркома Литвинова от 3 апреля, эти данные 8 апреля ему предоставил германский посол в Москве Х. Дирксен.

процесс набрал значительные обороты, свидетельством чего можно рассматривать письмо члена Коллегии НКВД Б. Стомонякова полпреду в Польше В. А. Антонову-Овсеенко. Позвольте воспроизвести с незначительными купюрами его первую часть: «В прессе разных стран появляются неверные сообщения, исходящие в основе из польских источников, о заключении между Польшей и СССР далеко идущих соглашений и об установлении единого фронта Польши и СССР против Гитлера. Дело доходит до того, что полуофициальные представители польского правительства, вроде Литауера, и корреспондент ПАТ или «Газеты Польской», не стесняясь присутствия первого секретаря полпредства т. Толоконского, уверяли английских собеседников в наличии соглашения между Польшей и СССР, позволяющего первой сосредоточить свои силы против Германии. Аналогичное заявление было сделано недавно одним из французских депутатов на заседании комиссии по иностранным делам палаты депутатов. Во всей Прибалтике твердо распространено убеждение, что Польша и СССР окончательно договорились и что вследствие этого заключение блока между прибалтами и Польшей не может быть направлено против СССР, а исключительно против Германии. Даже такой политик, как Циеленс*, заявляет об этом открыто, ссылаясь многозначительно на то, что он имеет абсолютно аутентичную информацию о полной договоренности между Польшей и СССР»**.

Наряду с кропотливой деятельностью по распространению слухов о создании Москвой виртуального антигитлеровского пакта, для пущей достоверности осуществлялись прямые контакты с официальными советскими учреждениями и персонами. 30 апреля в советскую столицу с недельным визитом отправился главный редактор «санационного» официоза «Газета Польска» Б. Медзинский⁴⁷. Одновременно по приглашению польского руководства с 1 по 14 мая 1933 г. в Варшаве находилась советская хозяйственная делегация, возглавляемая замнаркомом внешней торговли СССР И. В. Боевым. В результате переговоров

была достигнута договоренность и подписан протокол о расширении товарооборота между обеими странами⁴⁸. 1 мая 1933 г. Пилсудский в присутствии Бека принял полпреда Антонова-Овсеенко, избегая в разговоре с ним затрагивать политические темы⁴⁹.

Теперь, после столь внушительной подготовительной работы, (которую, кстати, можно рассматривать в качестве своеобразной артподготовки), когда новоиспеченному германскому гражданину и черчеллефобу в пору было, простите, штаны сушить, «дедушка» и проявил свою суть. 2 мая польский посланник в Берлине А. Высоцкий, явно разыгрывая советскую карту, поставил перед германским канцлером в ультимативной форме вопрос о дальнейших польско-германских отношениях. Подобный демарш и в такой же форме произвел в Варшаве Бек в отношении германского посланника Г. Мольтке⁵⁰. Подрастерявшемуся Гитлеру ничего не оставалось как приободрившись ответить, что готов поддерживать и развивать эти отношения «на основе существующих договоров», а это косвенно подтверждало соблюдение германским руководством территориального статус-кво⁵¹. 17 мая 1933 г. он выступил с заявлением, заверив, что ни одно германское правительство не нарушит по собственной инициативе договоров, заключенных в 1919 г.⁵²

Лишь получив от Гитлера желаемое Пилсудский приказал передислоцировать войска с прусских границ к Вильно на большой военный смотр⁵³. В самом деле, было победно завершено крупнейшее военное-дипломатическое действие — стушевавшийся фюрер вынужден был заужать «дедушку», а теперь можно было и вволю помаршировать, оркестр послушать, на трибуне покрасоваться в маршальском облачении. Действительно, было, что отметить. По мнению нашего полпреда Антонова-Овсеенко: «Демаршем 2 мая Польша, уже используя улучшение с Советским Союзом вступила на путь непосредственных переговоров с Германией»⁵⁴.

А вот теперь самое время при помощи аллегории дать оценку того маневра, при помощи которого,

* Председатель комиссии по иностранным делам сейма Латвии.

** Этот камуфляж длился в течение всего лета. В период с 9 по 22 июля по приглашению польского руководства там принимали заведующего Бюро международной информации К. Радека, который не был принят Пилсудским, в отличие от председателя данцигского сената Г. Раушнингга. В беседе заместителя НКВД СССР Н. Крестинского с послом Италии в СССР Б. Аттолико 14 августа 1933 г. последний заметил, что «Польша стремится повсюду создать впечатление, что по инициативе СССР создается какой-то блок восточноевропейских государств, направленный против соглашений западных государств».

польский вождь предвкушал присоединиться к клубу великих держав. Ранее возникшие сравнения «через черный ход», «канализационный люк» явно не отражают его сути, а вот эпитет «с ножом к горлу», на наш взгляд весьма близок к сути происшедшего. Правда одно дело так неосмотрительно и бесцеремонно обойтись с предполагаемыми партнерами по рукам и ногам, связанными версальскими ограничениями, а другое дело как те поступят с партнерами-бандитами, после того как от сих пут избавятся. После войны бывший шеф гестапо Г. Мюллер* говорил: «Гитлер был вынужден сделать это, но я знаю, что он так никогда и не забыл об этом эпизоде, и впоследствии поляки дорого за него заплатили»⁵⁵.

По данной второй проблеме осталось лишь ответить на вопрос, что же так «дедушке» приспичило фюрера на путь переговоров заталкивать? С одной стороны вроде бы все понятно — естественно польские границы защитить от ревизии, ко «клубу» вроде как бы приобщиться, ведь вступив в переговорный процесс и подписав договор с кем-то из клубных, уже вроде и сам одной ногой там. Осталось лишь уточнить совсем немножко — предполагаемую роль Польши в модернизированном, конечно же после подписания соответствующих документов**, по вкусу Зюка «пакте четырех». На наш взгляд исчерпывающе-прозорливый ответ содержится в письме члена Коллегии НКВД СССР Б. Стомонякова полпреду В. Антонову-Овсенко от 19 июня 1933 г. «Тенденция к сближению с Германией питается в Польше из двух источников; из стремления авантюристических кругов пилсудчиков использовать возможную войну Японии с нами и поддержку гитлеровской Германии, а с другой стороны, из классовых симпатий эндеков*** к гитлеровскому движению. Хотя в данный момент международная ситуация не благоприятствует соглашению Польши с Германией, эта намечающаяся тенденция представляет, конечно, серьезную опас-

ность, и это обязывает нас удешевить наблюдение и бдительность в отношении польской политики»⁵⁶. Для пущего успокоения пана Гонтарчика наряду с советским привлечем и западный, на этот раз американский, источник. Спустя год, когда международная ситуация была уже более благоприятной для Варшавы и Берлина, американский посол в Москве Вильям Буллит писал в июле 1934 г. государственному секретарю США Корделлу Хэллу, что Пилсудский отказывается участвовать в Восточном пакте, поскольку ожидает советско-японскую войну и хочет сохранить для себя на востоке свободу рук, чтобы «воссоздать там прежнее величие Польши»⁵⁷.

Итак, из трех крупных проблем, обозначенных в начале статьи, осталось пролить свет на завершающую — через какие организационные формы находила реализацию инициатива «пакта четырех» с момента появления её и до позорного финала в Мюнхене. После парафирования 6 июня 1933 г. «пакта четырех» в Риме⁵⁸ послами — Франции Г. Жувенелем, Германии У. Хасселем, Англии Р. В. Грэхемом и Б. Муссолини он был подписан 15 июля⁵⁹. Москва, вовремя и мудро усмотрев в кандидатуре Италии свадебного генерала, приняла предложение Муссолини подписать политический договор, в результате чего появился проект советско-итальянского пакта о ненападении. 1 сентября 1933 г. Политбюро приняло предложение итальянской стороны о наименовании пакта о ненападении «пактом о дружбе, ненападении и нейтралитете»⁶⁰. Договор был подписан В. П. Потемкиным и Б. Муссолини 2 сентября 1933 г. и ратифицирован в Москве и Риме в октябре 1933 г.⁶¹

Во Франции «пакт четырех» не был ратифицирован, т. к. фактически обрекал её на сотрудничество с тремя государствами, из которых два — Германия и Италия — были ей враждебны, а третья — Англия — строило свою политику на использовании франко-германских и франко-итальянских противоречий⁶².

* По утверждению Г. Дугласа, опубликовавшего в конце 1990-х годов в США соответствующие документальные материалы, группен-фюрер Генрих Мюллер, благополучно улизнувший из осажденного Берлина, в конце 40-х гг. был завербован американскими спецслужбами, как говорится верой и правдой служил тамошнему политическому руководству в качестве консультанта против СССР, скончавшись лишь в начале 1980-х. Хорошим тоном среди части отечественных историков считается выставлять их фальшивкой, дескать, Белый дом отказывается комментировать эту версию, да и в доступных американских официальных документах все старательно вымарано черной тушью.

** На данный момент известно о двух этапах подписания этих документов. Первой на свет появилась Декларация о мирном разрешении споров и неприменении силы от 26 января 1934 г. Вторым стал секретный договор от 25 февраля того же года, позволявший, среди прочего, свободное прохождение германских войск через польскую территорию в «восточном и северо-восточном направлении».

*** Польская партия национальных демократов была по своему духу ультра-националистической.

Отношение германского рейхсканцлера к участию в данной структуре нашло своё выражение, в частности, в том, что он объявил 14 октября о выходе страны из Лиги наций и уходе с конференции по разоружениям. В этом шаге фюрера, на наш взгляд, ничего неожиданного нет, и в нем можно при желании усмотреть массу разнообразнейших причин политического, дипломатического, стратегического и тактического свойства. Нам бы лишь хотелось ещё раз обратить внимание на совокупность его психологических особенностей, тонко подмеченных Эрнстом Ганфштенглем, в результате комплексного воздействия которых на первый план выдвигалась недюжинная интуиция. Точно так же как в тот момент, когда он уклонился от знакомства с сэром Уинстоном, так и на этот раз он в демонстративной, почти скандальной форме избежал участия в работе структур, тайный механизм действия которых находился вне его компетенции, а главное вне его территории. Зная о том, что заводилы «пакта четырех» уже сделали на него ставку* и весьма заинтересованы в его услугах, он предпочел действовать по собственному, комфортному ему самому алгоритму. В общих чертах его можно было предугадать — явно не дотягивая в личностном плане, да и просто по определению, до аристократов-англичан, где среди прочего неписанными пиитетными истинами являются формальное равенство в общении и предполагается некая обоюдная молчаливая последовательность шагов навстречу друг другу при одновременном достижении общей невысказанной цели, фюрер выбрал беспроегрешную тактику «невесты на выданье». Зная о том, что кому нужно его обязательно найдут и придут сами, он выбрал беспроегрешную выжидательную тактику, позволявшую ему, кстати, занять круговую оборону и дожидаться посланцев-купцов «за красным** товаром», которых пришлют идейные вдохновители «пакта четырех».

Кстати, а что же эти «туманные дыхатели», может они к тому времени вовсе и передумали делать ставку на «коричневую невесту» и ей предстояло медленно усыхать в тереме, увешанном флагами со свастикой? Ничуть не бывало, они повсеместно были преисполнены самых что ни на есть искрен-

них чувств, доказательством чего является тот факт, что английский парламент утвердил «пакт четырех» 15 июля⁶³, т. е. в день его подписания, то бишь *ратифицировал его парафированный* текст. Чего только не сделаешь для того, чтобы «порадеть за родного человечка»! Ну покапризничает, ну повыламывается чуток, зато какое полезное дело потом сделает!

Исходя из вышеперечисленных обстоятельств — явного дистанцирования со стороны трех участников пакта, коварного поведения фюрера, скрывавшего свои карты от всех и занявшего круговую оборону, по определению выходило, что своеобразной штаб-квартирой по дальнейшему воплощению в жизнь данной инициативы станет британская столица. По большому счету место весьма и весьма удобное, т. к. можно кого надо пригласить пообщаться, скажем на конференцию, тем более, что прецедент был создан, когда летом 1933 г. именно на берегах Темзы прошла мировая экономическая конференция. Предполагаемый алгоритм несложно было предугадать — в «туманных кулуарах» обсуждается и принимается необходимая линия международных отношений, коя затем проводится на континенте. Так оно и вышло.

Уже летом 1934 г. туда пригласили главу Кэ д'Орсэ Людовика Барту, среди прочего, в связи с тем, что уж очень активную деятельность он развил в поддержку создания системы коллективной безопасности т. н. Восточного Локарно, где в качестве гаранта безопасности выступал бы не Лондон, а Париж и Москва. С внешней стороны все выглядело безупречно, т. к. предполагалось, что Альбион поддерживает данную инициативу, а французского министра позвали для обсуждения и выработки разумного компромисса. Однако от *своих* истинной цели конференции они не скрывали. Глава британского МИД Д. Саймон и лорд-хранитель печати А. Иден в беседе с германским послом в Лондоне Л. Хешем признались тому, что решились поддержать проект Восточного пакта дабы не допустить создание советско-французского тандема, «чему Великобритания будет противиться всеми способами»⁶⁴. В результате работы этой конференции было решено передать проект сей инициативы Берлину, Риму и Варшаве для внесения собственных

* Ганфштенгль ещё тогда поделился с ним предложением заключить пакт, поступившим от Черчилля, однако хитрый Адольф Алоизиевич сделал вид, что не поверил ему: «Он решил для себя не открывать карт никому».

** Было бы уместно к данной ситуации сказать «коричневым товаром».

корректив. Как и следовало предполагать последние в своих внесенных поправках свели на нет её суть, и воплощение её в жизнь затянулось в бесконечных дебатах.

Завершающим аккордом по её молчаливому де-завуированию стала новая конференция в Лондоне. 1–3 февраля 1935 г. там состоялось совещание главы французского правительства П. Фландена, министра иностранных дел Франции П. Лавалья и английско-го премьера и министра иностранных дел Саймона, в результате которого было подписано т. н. лондонское соглашение⁶⁵. В преамбуле от Берлина требовали, чтобы он не нарушал подписанные международные соглашения, тонко намекая на Локарно. Далее следовало, что вслед за достижением Германией равноправия в Европе, будет создана организация по безопасности «путем заключения пакта, в котором все заинтересованные стороны приняли бы добровольное участие»⁶⁶. Чуть ниже уточнялось, что при условии возвращения Германии в Лигу наций между Англией, Францией, Германией, Италией и Бельгией возможно заключение воздушного пакта, который бы охранял их от внезапной воздушной атаки. В заключительной части текст коммюнике содержал фразу о Восточном пакте, в которую Саймон вписал оговорку: «свободно заключенном»⁶⁷. В редакции данной конференции заключение Восточного Локарно в первоначальном виде, по определению, стало невозможным.

А в последней декаде марта принесла весьма весомые плоды и выжидательная тактика фюрера, т. к. к нему нагрянули «купцы за коричневым товаром». 25–26 марта состоялся визит упомянутого Саймона и лорда-хранителя печати Идена в Берлин*. Адольф Алоизиевич предстал пред их ясными очами во всей красе — облачившись в коричневую рубаху формы войск СА. Сохраняя приверженность излюбленной тактике не открывать своих карт никому, он отказался обсуждать с англичанами положения лондонского коммюнике, а напустил туману, предложив заключить ряд двусторонних соглашений и затем объединить их, а также уже заключенные пакты о ненападении, в одном многостороннем документе. Гитлер объяснял изменение своей позиции

«опасностью, грозящей со стороны СССР», убеждал собеседников не связываться с Советским Союзом, а затем указал на польско-германское соглашение от 26 января 1934 г. как на проявление доброй воли Германии⁶⁸. Глава Форин офис предпочел не оспаривать мнений фюрера, а обратил его внимание на «идею возвращения Германии [гданьского] коридора взамен за успокоение Польши на Украине»⁶⁹. Таким образом, германо-британские переговоры, по меткому замечанию М. Войчеховского, «прозвучали траурным маршем над останками концепции коллективной безопасности в Европе»⁷⁰.

Через две недели лондонские воздыхатели вновь продемонстрировали, что невеста им не безразлична. 11 апреля начала свою работу конференция в Стрезе, новый премьер Р. Макдональд и все тот же Саймон сразу же дали понять, что принятие каких-либо санкций в случае нарушения договоров не входит в ее повестку дня⁷¹. Казалось, что для все более приободрявшегося фюрера наступают золотые денечки, как вдруг как гром среди ясного неба 2 мая грянуло заключение советско-французского договора о взаимопомощи. Свои подписи на этом документе оставили советский посол Владимир Потемкин и министр иностранных дел Франции Пьер Лаваль⁷². Он обзывал обе стороны в случае неспровоцированной агрессии немедленно оказать друг другу помощь, независимо от решения третьей стороны, т. е. находившейся под сильным влиянием Лондона Лиги наций.

Близкую к истерике невесту тут же приголубили, заключив 18 июня 1935 г. англо-германское «морское» соглашение, санкционировавшее рейху право иметь военно-морской флот почти равный по величине французскому⁷³. К тому же роль послушного орудия в руках британских женихов в реализации *явочным порядком* идеи «пакта четырех» добровольно принял на себя министр Лаваль, который выступал в течение определенного промежутка времени передаточным звеном на итальянском векторе. Для того, чтобы дуче меньше обращал внимания на то, какие жирные куски заготовлены в Европе для фюрера, первому посредством заключения 7 января 1935 г. соглашения⁷⁴, были развязаны руки на эфиопском направлении. А когда тот увяз в итало-абиссинской войне, то в роли

* По большому счету Гитлер, скорее всего не был удивлен, т. к. еще 25 января его навестили в Берлине соратник премьера Макдональда по лейбористской партии лорд Аллен и маркиз Лотиан, один из сотрудников Ллойд-Джорджа во время Парижской мирной конференции. По словам германского посла в Лондоне Хеша, «это был самый важный неофициальный британец, который когда-либо встречался с канцлером Гитлером».

его своеобразного ангела-хранителя в сим деянии выступило подписанное 9 декабря т. н. соглашение Гора — Лавая, формально предусматривавшее англо-французское «посредничество» в урегулировании конфликта⁷⁵. Фактически оно было направлено на то, чтобы помочь Италии превратить Эфиопию в свою колонию, что одновременно способствовало бы изоляции Рима в Лиге наций и подтолкнуло бы в объятия Берлина.

Фюрер не собирался выпускать из рук тех выгод и возможностей, которые можно было извлечь и реализовать вследствие вступления в законную силу советско-французского договора. В субботу 7 марта 1936 г. германские войска были введены в Рейнскую демилитаризованную зону. В этот день утром Гитлер вызвал к себе английского, французского, итальянского послов и бельгийского поверенного в делах и вручил им ноту об отказе германского правительства соблюдать Локарнские соглашения⁷⁶.

Французы сделали ряд решительных заявлений, а англичане посоветовали им избежать проведения военных операций, к чему те охотно прислушались⁷⁷. А в апреле экс-глава Форин офис О. Чемберлен посетил Вену, где рекомендовал австрийскому министру иностранных дел Э. Бергер-Вальденегу договориться с Германией⁷⁸. Уже 11 июля опытный гитлеровский эмиссар Ф. фон Папен подписал двустороннее соглашение, хотя формально и подтверждающее суверенитет Австрии, но включавшую статью, гласившую, что «правительство австрийского федерального государства будет постоянно руководствоваться в своей общей политике и в частности в своей политике по отношению к Германии тем принципом, что Австрия признает себя германским государством»⁷⁹. Этот пункт свидетельствовал о том, что Гитлером сделан важнейший шаг к завоеванию господствующих позиций в Центральной Европе, а это, в свою очередь, привело впоследствии, с одной стороны, к вытеснению Италии из этого региона, а с другой, к будущему аншлюсу.

У фюрера складывалось все весьма удачно, оттерев дуче от поползновений на родные ему с детства края, он вдруг неожиданно получил роскошный подарок. 17–18 июля 1936 г. в Испании начался вооруженный мятеж во главе с генералом Франко, а 15 августа посол США в Берлине У. Додд записал: «События последних недель в Испании, кажется, открывают новые возможности для Муссолини и Гитлера»⁸⁰. Что

называется, как в воду глядел. 25 октября итальянский министр иностранных дел Г. Чиано подписал в Берлине с И. Риббентропом официальное соглашение о создании «оси Берлин — Рим». Гитлер признал захват Эфиопии Италией, обе державы оси признали правительство Франко, стороны договорились о разграничении сфер экономической деятельности Германии и Италии на Балканах и в Дунайском бассейне⁸¹.

Наряду с родственной душой итальянского диктатора с фюрером пожелали оформить отношения и японские милитаристы. 25 ноября 1936 г. Берлин и Токио подписали т. н. Антикоминтерновский пакт, содержание которого сводилось к трем пунктам. В первом обе стороны взаимно обязывались информировать друг друга о деятельности Коммунистического Интернационала и вести против него борьбу в тесном сотрудничестве. Второй пункт предписывал сторонам принимать необходимые меры борьбы против тех, кто действует в пользу Коммунистического Интернационала. В третьем пункте устанавливался срок действия соглашения — пять лет. Особое значение имел второй пункт соглашения, дававший возможность договаривающимся сторонам под предлогом борьбы против Коминтерна вмешиваться в дела других государств⁸². Дополнительный протокол предусматривал создание постоянной комиссии, задачей которой и была разработка этих самых совместных средств борьбы против Коминтерна на международной арене. Тайная часть пакта включала дополнительный протокол, состоявший из трех статей и двух нот с его интерпретацией, которыми обменялись Риббентроп и японский посол в Берлине. Тайный дополнительный протокол содержал взаимные обязательства сохранять дружественный нейтралитет и консультироваться, если одна из сторон окажется в состоянии войны с СССР. 2-я статья обязывала обе стороны воздерживаться от заключения с СССР политических договоров, противоречащих духу антикоминтерновского пакта. Как и пакт, оба протокола были действительны в течение 5 лет⁸³.

Добрая душа дуче была не в состоянии оставить без внимания данное начинание и 6 ноября 1937 г. к Антикоминтерновскому пакту присоединился и Рим⁸⁴. Следует отметить, что той осенью лондонским воздыхателям было недосуг проявлять особое внимание итальянскому вождю, т. к. они преподнесли фюреру особый подарок, который ему умело выторговал Г. Геринг во время охоты с одним из столпов

т. н. «клайвденской клики»* маркизом Лондондерри. В обмен на понимающее отношение со стороны Германии к господству Англии на морях железный Герман попросил всего лишь предоставления первой свободы действий в Австрии и Чехословакии. Такое соглашение позволило бы устранить последние разногласия «между великими и родственными державами» и создало бы все необходимые гарантии против «опасности большевизма» в Европе⁸⁵.

В Лондоне так прониклись этой идеей, что уже 17 ноября снарядили ни много, ни мало особую миссию во главе с замминистра иностранных дел виконтом Э. Галифаксом для ответственной беседы с фюрером. Через два дня встреча состоялась в одиозно-зловещем «тереме» Оберзальцберг, сопровождаемая продолжительной беседой. Визитер недвусмысленно дал понять хозяину, что Англия готова отдать Германии Австрию, Чехословакию и Данциг, лишь бы «эти изменения» были произведены «путем мирной эволюции», для чего предложил *возродить* старый «пакт четырех»⁸⁶. На этот раз у тамошних кукловодов осечки с выбором кандидатуры для поездки и встречи с А. Гитлером не произошло, в отличие от 1932 г.

Таким образом, было достигнуто взаимопонимание, которое в скором времени плавно перетекло в полную согласованность действий «невесты» с её очередным воздыхателем Н. Чемберленом. Для этого необходимо было создать прочную правовую базу, для чего вновь понадобились французские министры. В Лондоне 28–30 ноября состоялась секретная конференция с участием парижских гостей — премьера К. Шотана и главы Кэ д'Орсэ И. Дельбоса. После ухудшившегося экономического положения в связи с излишне поспешно проведенными социальными реформами группировка лорда Галифакса** имела

реальную возможность навязывать свой политический курс Франции. «Это уже было заметно во время визита Шотана и Дельбоса в Лондон». «С этого времени Чемберлен, используя финансы, полностью контролировал французскую политику»⁸⁷. Важнейшим результатом конференции стало англо-французское соглашение о дальнейшем невмешательстве в международные споры и столкновения в Европе. Этим соглашением предreshена была судьба многих стран, включая Австрию и Чехословакию⁸⁸.

После этого, с молчаливого одобрения лондонских дирижеров, события на международной сцене замелькали с калейдоскопической быстротой. После того, как в марте следующего года фюрер произвел в отношении Австрии «аншлюс» через месяц с небольшим в Лондон было вежливо предложено приехать *очередному парижскому дуэту* в составе премьера и главы МИД. 28–30 апреля прошли переговоры между Даладьё — Боннэ и Чемберленом — Галифаксом, после которых французское правительство уже не помышляло о самостоятельной внешней политике. Оно присоединилось к требованию английской дипломатии любой ценой избежать столкновения с Гитлером и приложить все усилия для мирного урегулирования взаимоотношений Чехословакии с Германией⁸⁹.

Чтобы все проходило плавно, ступенчато, непременно мирно, ведь следовало помнить о 19 статье Устава Лиги наций, на решении «чехословацкого вопроса» было сосредоточено особое внимание. В середине июля маркиз Лондондерри вновь совершил вояж в Берлин дабы пообщаться с Гитлером, Герингом и Риббентропом. Плодом этих переговоров стало «личное послание» фюрера Чемберлену, которое доставил в Лондон 18 июля и вручил Галифаксу

* В поместье лорда Астора Клайвдене, что в предместье Лондона, в неофициальной обстановке вела свою деятельность влиятельнейшая политическая группировка, фактически являвшаяся «теневым идеологом» Форин офис. В неё, среди прочих, входили лорды Галифакс, Лондондерри и Лотиан, стальной король Бальфур, поставлявший металл для оружейных и оружейных заводов Германии, Монтею Норман, председатель Английского банка и личный друг Шахта, министр Гор, министр Саймон, британский посол в Берлине Невиль Гендерсон, лорд и леди Астор. Одной из негласных целей деятельности «клики» было защитить британские капиталы, вложенные в экономику колоний от империалистических хищников — Германии и Японии. Получается, что одним из её инструментов являлось «дружеское поощрение» Адольфа Алоизиевича в альтернативном восточном, т. е. советском направлении.

** После возвращения Галифакса в Лондон и оглашения радостных новостей о сговорчивости «девицы» вокруг него возникла группировка, включавшая наиболее влиятельных консерваторов и лиц, обладавших сверхкрупными состояниями, стремившихся не упустить шанс поучаствовать в надвигавшемся, по их предвкусениям, дележе советских сырьевых богатств. Среди прочих там участвовали: сам лорд Галифакс, маркиз Лондондерри, леди Нэнси Астор, лорд Стэм, группа герцога Вестминстерского (самый богатый человек в Англии), Ага-хан, магараджа Хайдерабада, наиболее влиятельный и состоятельный человек в Индии. Её же легальной целью было предотвратить, чего бы это ни стоило, возникновение войны, добиваться сближения с Германией, противодействовать какому-либо вмешательству России в дела Европы и Азии.

адъютант германского вождя капитан Видеман. Дабы соблюсти галантерейный пиитет на этот раз для обсуждения этих предложений в Париж отправился сам Галифакс, да не просто так, а с английской королевской четой. Даладье и Боннэ было уже не привыкать участвовать в такого рода совещаниях. Как и ранее переговоры происходили под покровом величайшей тайны. Как выяснилось впоследствии, предложения Адольфа Алоизиевича были признаны приемлемыми. «В Париже были вынесены решения, которые вскоре и были положены в основу злополучного Мюнхенского соглашения»⁹⁰.

Для соблюдения видимости пущего демократизма 3 августа в Прагу прибыл уполномоченный Чемберлена, один из магнатов лондонского Сити, лорд У. Ренсимен. А в сентябре под влиянием весьма мощной поддержки фюрер настолько распоясался, что дабы умиротворить его в Берхтесгаден, с одобрения Даладье, 15-го направил стопы 70-летний Чемберлен. Пока фюрер в течение 3-х часов изливал душу премьеру относительно жестоковейных чехов, железный Герман в Берлине на всякий случай, впрок, стращал английского посла Н. Гендерсона, что, если Англия применит силу, то «до конца войны не много чехов останется в живых и мало что уцелеет от Лондона»⁹¹.

Вряд ли это милитаристское бахвальство имело смысл, т. к. в сокровенных недрах лондонского механизма, по-видимому, к этому моменту, имелась информация об успешной реализации сверхсекретного проекта президента Бенеша, касательно строительства через румынскую территорию т. н. *буковинской железной дороги*, которая реально позволила бы создать условия для выполнения условий советско-чехословацкого договора о взаимопомощи от 16 мая 1935 г.⁹² Этот фактор мог коренным образом изменить политическую ситуацию и дал бы в руки чехословацкого руководства такой козырь, введение в игру которого столь искусным игроком как чехословацкий лидер, могло привести к непредсказуемым для «клайвденских кликуш» последствиям. Поэтому следовало поторопиться.

После повторных переговоров Чемберлена с Гитлером, состоявшихся 22-го числа в Годесберге, 25–26 сентября в Лондоне состоялось очередное англо-французское совещание, а 27-го в 15:00 в столи-

цах стран-подписантов и страны-участника «пакта четырех» было объявлено о проведении злополучной конференции в Мюнхене, отдавшей на растерзание фюреру «малую страну» — Чехословакию и фактически выдавшей ему мандат для дальнейшего движения в восточном направлении, т. е. на СССР.

Таким образом, объявленные в начале статьи три научных направления освещены в достаточной степени подробно. Осталось лишь внести некоторые штрихи касательно личностей различных мастей «воздыхателей» и тайных агентов влияния нацистской Германии. Некоторые из новых источников позволяют пролить свет и на эти фигуры, дабы их тени показали скрывавшуюся ранее суть. Наряду с такими матерыми негласными поджигателями войны как «клайвденская» клика, группа лорда Галифакса в английском обществе существовало немало персон столь же крупного, а также более мелкого масштаба, симпатизировавших нацистскому режиму, поддерживавших контакты в течение 1935–1936 гг., в основном скрытно, с т. н. «бюро Риббентропа». Наряду с последним непосредственно их принимал и инст-руктировал граф Дюркгейм, а техническую финансовую сторону обеспечивал казначей т. н. «немецко-английского общества» В. Роде, получивший позднее чин обер-фюрера, а впоследствии угодивший в плен на Восточном фронте. Во второй половине 1940-х гг. он дал чистосердечные показания, что «некоторые англичане приезжали по приглашению в Германию плохо одетыми, почти без денег, а уезжали богатыми людьми. Я наблюдал такой случай с английским писателем по фамилии Бимиш*»⁹³.

Далее оберфюрер Роде перечисляет целый ряд лиц, пользовавшихся авторитетом в силу занимаемого ими положения в Англии, на которых опиралось бюро Риббентропа в своей работе: лорд Ротермир — владелец газеты «Дейли Мейл»; Уорд Прайс — корреспондент того же издания; Джек Эванс — владелец крупнейшей страховой фирмы; лорд Холлиден — владелец текстильных фабрик; Дарси Купер — президент акционерного общества «Юни Ливер»; мистер Проктор — промышленник; уже известный нам лорд Лондондерри — лидер консервативной партии, личный друг Геринга; Эрнест Теннант — промышленник; лорд Маунт-Темпл — президент «англо-немецкого

* Речь идет о британском общественном деятеле и писателе Генри Гамильтоне Бимише.

товарищества», бывший министр транспорта; Конвель Эвене — профессор оксфордского университета; сэр Арчибалд Вильсон — писатель и академик; капитан Кеннеди — политический корреспондент газеты «Таймс»; капитан Ричардсон — промышленник; лорд Гамильтон — известный генерал периода Первой мировой войны, личный друг Р. Гесса; лорд Сендис — зять Уинстона Черчилля; мистер Ян Флеминг — писатель*; мистер Брандт — крупный банкир; мистер Кляйнворс — банкир; также известный нам Самюэль Гор — посол в Мадриде, бывший министр морского флота и глава Форин офис; Оливер Гор — торговец, брат Самюэля Гора; лорд Аллан оф Хартвуд — член Верхней палаты парламента; мистер Вейгол — известный английский адвокат; лорд Лотиан — член Верхней палаты парламента. Герр Роде утверждает: «Все эти лица использовались нами в области пропаганды для проведения прогерманской политики в Англии и способствовали установлению дружественных связей между обеими странами»⁹⁴.

Наряду с теневыми агентами влияния гитлеровской Германии в Англии существовал целый ряд таких и на континенте. Особое место среди них занимали государственные служащие, в особенности, те, которые были заняты на дипломатической службе и в меру своих сил и способностей трудились, во всяком случае в глазах своих современников, во благо своей Отчизны. Однако о некоторых уже тогда следовала по пятам недобрая молва, причислявшая их к платным агентам гитлеровского режима. К примеру, поговаривали, что драгоценности на вечерних туалетах супруги главы Вежбовой Ю. Бека «нагляд-

но свидетельствовали о высокой оценке в Берлине его усилий по укреплению „добрососедских“ отношений Польши с фашистским рейхом»⁹⁵. Однако свидетельства, подтверждающих платный характер отношений любимца «маршалека» с гитлеровцами, в архивных документах до недавнего времени обнаружено не было. Когда же подобное утверждение появилось на официальном сайте одной государственной российской структуры, то некоторые из польских аккредитованных в Москве журналистов потребовали разъяснений на пресс-конференции, состоявшейся в 2009 г., у генерала СВР Льва Соцкова. На тот момент архивные документы, проливающие свет на интересующий нас вопрос, еще не были опубликованы, и высший офицер, хотя и находившийся в отставке, но действуя в рамках служебной этики, не имел возможности раскрыть источник. В 2011 г. документы из архива ФСБ, проливающие свет на коммерческий характер отношений главы МИД Польши с гитлеровским режимом, были впервые опубликованы. По утверждению генерал-лейтенанта люфтваффе Альфреда Герстенберга, назначенного в 1936 г. авиационным атташе в Польше и Румынии, Геринг, приехавший в третьей декаде февраля 1938 г. в Беловежскую пушчу поохотиться, передал во время этой охоты Беку чек на 300 000 марок. «О том, что Бек был подкуплен Герингом, я узнал от германского посла в Польше Мольтке, который участвовал в охоте. В связи с этим Мольтке говорил, что Бек из наших рук не вырвется»⁹⁶.

Таким образом, задачи, поставленные в самом начале статьи, можно, на данный момент, считать выполненными.

* Флеминг, Ян Ланкастер (1908–1964) — британский писатель и журналист. С мая 1939 г. офицер военно-морской разведки; служил у директора военно-морской разведки Джона Годфри. После окончания Второй мировой войны вышел в отставку и занялся писательской деятельностью. Автор серии знаменитых романов о Джеймсе Бонде.

¹ Архив внешней политики РФ (далее АВП РФ). Ф. «Референтура по Польше». Опись 17. Дело 28. Папка 167-а.

² *Jarusch K. H. The Four Power Pact, 1933. New York, 1965; Mazur Z. Pakt Czterech. Poznań, 1979; Kozeński J. Czechosłowacja w polskiej polityce zagranicznej w latach 1932–1938. Poznań, 1964.*

³ *Попов В. И. Дипломатические отношения между Англией и СССР (1924–1939 гг.). М., 1964; Furnia A. K. The Diplomacy of Appeasement: Anglo-French relations and the Prelude to World War II. 1931–1938. Washington, 1960.*

⁴ *Rakowski B. U źródeł paktu czterech // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Łódzkiego. Seria I. Zeszyt 67. Łódź, 1970. S. 71–88.*

⁵ *Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география. М., 2005. С. 17.*

⁶ Версальский мирный договор. Под ред. проф. *Ключникова Ю. В. М., 1925. С. 12.*

⁷ *Морозов С. В. Польско-чехословацкие отношения. Что скрывалось за политикой равноудаленности министра Ю. Бека. М., 2004. С. 57; Сборник документов по международной политике и международному праву. Вып. VI. М., 1934. С. 10–11.*

⁸ *Эрнст Ганфштенль. Гитлер. Утраченные годы. Воспоминания сподвижника фюрера. 1927–1944. М., 2007. С. 385.*

⁹ *Уинстон Черчилль. Как я воевал с Россией. М., 2011. С. 152–154.*

- ¹⁰ Эрнст Ганфштенгль. Гитлер. Утраченные годы. С. 387.
- ¹¹ Там же. С. 388.
- ¹² Там же. С. 389.
- ¹³ Там же. С. 391.
- ¹⁴ Документы внешней политики СССР (далее ДВП СССР). Т. XVI. М., 1970. С. 226.
- ¹⁵ Морозов С. В. Польско-чехословацкие отношения. С. 46–131.
- ¹⁶ Dzieje Najnowsze. 2007. # 1. S. 206.
- ¹⁷ Ibid. S. 200.
- ¹⁸ Ibid. S. 201.
- ¹⁹ Kamiński M. K., Zacharias M. J. Polityka zagraniczna Rzeczypospolitej Polskiej 1918–1939. W., 1998. S. 128.
- ²⁰ Lipski J. Stosunki polsko-niemieckie w świetle aktów norymberskich // Sprawy Międzynarodowe. 1947. №3. S. 13.
- ²¹ Табу Ж. 20 лет дипломатической борьбы. М., 1960. С. 173.
- ²² ДВП СССР. Т. XVI. С. 83, 806.
- ²³ Le Temps. 11.01.1933.
- ²⁴ Documents Diplomatiques Français 1932–1939 (далее DDF). Sér. 1. T. II. Paris, 1966. P. 451–453.
- ²⁵ Табу Ж. Указ. соч. С. 176.
- ²⁶ История дипломатии. Под ред. Потемкина В. П. Т. 3. М.; Л., 1945. С. 471.
- ²⁷ В одном из своих писем периода Первой мировой войны «Пилсудский поведал о посетившей его мысли о том, что он послан Польше в наказание за какие-то страшные провинности в прошлых реинкарнациях». — Матвеев Г. Ф. Пилсудский. М., 2008. С. 205.
- ²⁸ История дипломатии. С. 472.
- ²⁹ Табу Ж. Указ. соч. С. 189.
- ³⁰ История дипломатии. Указ. соч. С. 472.
- ³¹ ДВП СССР. Т. XVI. С. 181.
- ³² Там же. С. 203.
- ³³ DDF. Sér. 1. T. III. P. 143.
- ³⁴ L'Echo de Paris. 8.04.1933.
- ³⁵ DDF. Sér. 1. T. III. P. 151–152.
- ³⁶ АВП РФ. Ф. «Референтура по Польше». Опись 17. Дело 28. Папка 167-а. Л. 10.
- ³⁷ Матвеев Г. Ф. Указ. соч. С. 347.
- ³⁸ История дипломатии. Указ. соч. С. 472.
- ³⁹ Kamiński M. K., Zacharias M. J. Polityka zagraniczna Rzeczypospolitej Polskiej 1918–1939. W., 1998. S. 127.
- ⁴⁰ Ibid.
- ⁴¹ Pułaski M. Stosunki dyplomatyczne polsko-czechosłowacko-niemieckie w latach 1933–1938. Poznań, 1967. S. 46.
- ⁴² Wojciechowski M. Stosunki polsko-niemieckie. 1933–1938. Poznań, 1965. S. 24.
- ⁴³ Batowski H. O pewnym nieporozumieniu historycznym // Życie Literackie. 1957. №297; он же, W sprawie artykułu Tadeusza Kuźmińskiego o wojnie przewencyjnej // Najnowsze dzieje Polski. 1962. № 5. S. 225–228; Kozeński J. Czechosłowacja w polskiej polityce... S. 54; Kuźmiński T. Wokół zagadnień wojny przewencyjnej w 1933 r. // Najnowsze dzieje Polski. Materiały i studia z okresu 1914–1939. W., 1960. T. 3. S. 73–92.
- ⁴⁴ Данная проблема подробно изложена в: Морозов С. В. Польско-чехословацкие отношения.
- ⁴⁵ Kozeński J. Czechosłowacja w polskiej polityce... S. 55.
- ⁴⁶ АВП РФ. Ф. «Референтура по Польше». Опись 17. Дело 28. Папка 167-а. Л. 13.
- ⁴⁷ Kamiński M. K., Zacharias M. J. Polityka zagraniczna... S. 143.
- ⁴⁸ Польско-советский торговый договор был заключен только в феврале 1939 г. — Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 6. М., 1969. С. 39, 41, 42, 376.
- ⁴⁹ АВП РФ. Ф. «Референтура по Польше». Опись 17. Дело 28. Папка 167-а. Л. 13.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же. Л. 14.
- ⁵² Smogorzewski K. Czy dziejowy zwrot w stosunkach polsko-niemieckich. Poznań, 1934. S. 21; Documents on German Foreign Policy 1918–1945 (далее DGFP). Ser. C. Vol. I. Washington, 1957. P. 365–367.
- ⁵³ Kozeński J. Czechosłowacja w polskiej polityce... S. 55.
- ⁵⁴ АВП РФ. Ф. «Референтура по Польше». Опись 17. Дело 28. Папка 167-а. Л. 14.
- ⁵⁵ Дуглас Г. Шеф гестапо Генрих Мюллер. Вербовочные беседы. М. 2000. С. 142.
- ⁵⁶ ДВП СССР. Т. XVI. С. 355.
- ⁵⁷ Foreign Relations of the United States. 1934. Vol. V. Washington, 1952. P. 502.

- 58 Академик В. П. Потемкин связывает парафирование с датой 7 июня. — История дипломатии. С. 474.
- 59 Архив внешней политики Российской Империи. Ф. 15. Оп. 1. Д. 68. К. 185–188.
- 60 Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936. М., 2001. С. 322–323.
- 61 ДВП СССР. Т. XVI. С. 494–496.
- 62 История дипломатии. Указ. соч. С. 474.
- 63 Там же.
- 64 DGFP. Ser. C. Vol. III. Washington, 1959. P. 202.
- 65 Weltgeschichte der Gegenwart in Dokumenten. Bd. I. Internationale Politik, 1934/35. Essen, 1936. S. 103.
- 66 *Wojciechowski M.* Op. cit. S. 152.
- 67 *Овсяный И. Д.* Тайна, в которой война рождалась. М., 1971. С. 90–91.
- 68 Протокол беседы Гитлера с британскими министрами; Инструкция Нейрата для дипломатических учреждений рейха в связи с визитом Саймона и Идена. — DGFP. Ser. C. Vol. III. P. 1043–1080, 1091–1104; *Diariusz i teki Jana Szembeka (1935–1945)*. T. I. Londyn, 1964. S. 254; *Wojciechowski M.* Op. cit. S. 176.
- 69 DGFP. Ser. C. Vol. III. P. 1105–1108.
- 70 *Wojciechowski M.* Op. cit. S. 176.
- 71 *Черчилль У.* Вторая мировая война. Ростов-на-Дону, 1997. С. 163.
- 72 Договор был ратифицирован: французским парламентом — 27 февраля, ЦИК СССР — 8 марта 1936 г., президентом Франции — 26 марта 1936 г. Обмен ратификационными грамотами состоялся 27 марта 1936 г. в Париже. — *Морозов С. В.* Польско-чехословацкие отношения. С. 275; ДВП СССР. Т. XVIII. М., 1973. С. 309.
- 73 В беседе с наркомом СССР М. Литвиновым 28 марта 1935 г. лорд-хранитель печати А. Иден вскользь заметил, что тоннаж французского флота составляет примерно половину британского. — ДВП СССР. Т. XVIII. С. 232.
- 74 Соглашение Лаваль — Муссолини было основательно одобрено территориальной уступкой со стороны Франции в 110 тыс. кв. миль африканской территории. — История дипломатии. Указ. соч. С. 514; *Survey of International Affairs. 1935*. Vol. I. London, 1935. P. 104–105.
- 75 *Documents on International Affairs. 1935*. Vol. II. P. 316–412.
- 76 Ремилитаризация Рейнской зоны была настоящей авантюрой. Хотя Германия развернула подготовку к оккупации еще в мае 1935 г., однако она не была готова в военном отношении к конфликту с западными державами. 28–30 германским дивизиям противостояли 90 дивизий мирного и 190 дивизий военного времени, насчитывавшиеся только у Франции, Чехословакии и Польши. Германские войска имели приказ немедленно отступить, если они встретят сопротивление. В конце марта Гитлер признавался: «Никогда я так не боялся, как в дни рейнской акции. Если бы французы отнеслись к этому серьезно, я бы потерпел крупное политическое поражение». — *Kvaček R.* Německa likvidace demilitarizovaného porýnského pásma 7. března 1936 // *ČsČH*. 1963. Č. 3. S. 317.
- 77 По мнению Черчилля, французские министры искали подтверждение своему пацифизму в пацифизме британских коллег. — *Черчилль У.* Вторая мировая война. С. 241.
- 78 *Турок В. М.* Очерки истории Австрии. 1929–1938. М., 1962. С. 343–348.
- 79 История дипломатии. Указ. соч. С. 574.
- 80 Дневник посла Додда. 1933–1938. М., 1961. С. 429.
- 81 История дипломатии. Указ. соч. С. 582–583.
- 82 Там же. С. 591.
- 83 *Sommer T.* Deutschland und Japan zwischen den Mächten 1935–1940. Vom Antikominternpakt zum Dreimächtepakt. Tübingen, 1962. S. 493.
- 84 История дипломатии. Т. III. С. 595.
- 85 Там же. С. 607.
- 86 Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 1. М., 1948. С. 35–36.
- 87 *Овсяный И. Д.* Тайна, в которой война рождалась. С. 186.
- 88 История дипломатии. Т. III. С. 608.
- 89 Там же. Т. III. С. 622.
- 90 Там же. С. 629.
- 91 Там же. С. 633.
- 92 *Морозов С. В.* Приоткрывая завесу над тайной буковинской железной дороги // *Международная жизнь*. № 9. 2009.
- 93 Тайны дипломатии Третьего рейха: Германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий, военные и полицейские атташе в советском плену. Документы из следственных дел. 1944–1955. Отв. редактор В. С. Христофоров. М., 2011. С. 463.
- 94 Там же. С. 478–479.
- 95 *Овсяный И. Д.* Тайна, в которой война рождалась. С. 79.
- 96 Тайны дипломатии Третьего рейха: Германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий, военные и полицейские атташе в советском плену. С. 581.